

Ермолович Юлия Николаевна,
преподаватель-стажер кафедры
философии, Гродненский
государственный университет имени
Я. Купалы, Беларусь.

*Псевдокоммуникация как
социальная реальность.*

ПСЕВДОКОММУНИКАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Ермолович Ю. Н.

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Еще Ф. де Соссюр указывал на несовпадение означаемого и означающего, вслед за ним данной проблемой интересовался К. Леви-Стросс, но уже в неязыковой коммуникации и мифах. Интерес к несовпадению между означающим и означаемым проявляет также Ж. Бодрийяр, именуя власть означающего без означаемого симулякром. В критике симулирования реальности Бодрийяр является последователем Леви-Стросса, но именно он первый ввел симулякры в теорию коммуникации. Начав с критического переосмысления марксизма посредством обращения к структурно-лингвистическому психоанализу Ж. Лакана и структурной лингвистике Ф. Соссюра, Бодрийяр приходит к оригинальной разработке теории знака, символических объектов и коммуникаций, созданию оригинальной теории.

С точки зрения Ж. Бодрийяра, некоторые фундаментальные постоянные марксовой теории являются всего лишь историческими переменными. Он вводит понятие «знаковой меновой стоимости» (или просто «меновой стоимости»). «Поле политической экономии, артикулированное двумя видами стоимости – потребительской и меновой, – должно быть полностью переопределено таким образом, чтобы наряду с производством материальных благ и экономических меновых стоимостей оно охватывало бы и производство знаковых меновых стоимостей» [1, с. 132].

В симбиозе политической экономии Маркса и семиологии Ф. де Соссюра специфика знаковой стоимости определяется уравнением:

*Меновая стоимость: потребительная стоимость = означающее:
означаемое*

В этом уравнении устанавливается корреляция между двумя типами феноменов (товаром и знаком), которые обычно связываются лишь внешним образом. Распространив критику экономической системы на

системы знаков, он пришел к установлению связи между экономикой и культурой. Рассуждение о «феноменах культуры» или «экономических процессах» самих по себе уже означает принадлежность к порядку симуляции, полагает Бодрийяр. «Все, что сегодня производится и обменивается, не является в строгом смысле ни знаком, ни товаром, но нераздельно обоими, причем оба упразднены в качестве специфических определений. Сегодня потребление ... определяет именно ту стадию, на которой товар непосредственно производится как знаковая стоимость, а знаки (культура) – как товар» [1, с. 134].

В своем программном труде «Символический обмен и смерть» (1976) Ж. Бодрийяр рассматривает историческое развитие симулякра в европейской цивилизации, начиная с эпохи Возрождения, выделяя триаду: «подделка – производство – симуляция». На первом уровне (подделка) симулякр существует по естественному закону ценности, делая предмет похожим на тот, который ценностью обладает (подделки произведений искусства или ювелирных изделий). На втором уровне (производство) происходит тиражирование ценных объектов (массовая репродукция картин, автографов знаменитостей). На третьем уровне – уровне симуляции – реальные процессы и абстрактные сущности заменяются на их знаки, уже не имеющие исходного значения, освобожденные от него (симуляция болезни, действия, понятия). Если подделанные и даже растиражированные объекты еще подразумевают за собой оригинал, который может быть реконструирован, то симулякры окончательно теряют свои связи с прообразами, не поддаются реконструкции. Вещи становятся симулякрами друг друга с возникновением серийного производства, ибо с ним всякий оригинал исчезает.

В современную эпоху уже надстройка определяет базис, труд не производит, а социализирует, представительные органы власти никого не представляют. Эти процессы порождают ощущение утраты реальности. Реальность в целом подменяется симуляцией как гиперреальностью. Поскольку социальное происходит от символического, оно уже имеет симуляционный характер; поэтому восприятие социального как некой самостоятельной реальности означает гипостазирование симулякра.

Поскольку знак после Ф. де Соссюра трактуется как произвольно данный какому-либо предмету или явлению, то современное «общество потребления» Бодрийяр именуется обществом мифа, «обществом тотальной симуляции», в котором все знаки обмениваются только друг на друга, а не на что-то реальное. Бодрийяр выделяет знаки «легкие» и «тяжелые». К

легким знакам он относит моду, регулирующую одежду, тело и бытовую технику. Они уже утратили внутреннюю детерминированность и обрели свободу безграничных подстановок и перестановок. Тяжелые знаки (политика, мораль, экономика, наука, культура, сексуальность) не так легко поддаются принципу вольной подстановочности, но и они тяготеют к структурной игре со смыслом.

Мыслитель считает, что традиционная формула теории коммуникации (адресант–текст–реципиент) выступает зашифрованной моделью репрессивной политики. «Такой тип общения однонаправлен, позволяя одному передавать сообщение, задавать код, а другому лишь пассивно воспринимать репрессирующее воздействие. Здесь ... выражается определенный тип социальных отношений, а именно тот, при котором один говорит, а другой – нет, один может выбирать код, а другой свободен лишь в подчинении ему или воздержании от него...Такая «научная» конструкция образует симулятивную модель коммуникации, из которой заранее исключены взаимность, антагонизм партнеров и амбивалентность их обмена» [2, с. 156]. Это приводит к тому, что человек тотально поработан существующей Системой.

Мы не склонны к радикальному отрицанию социальной реальности как таковой, но тенденция Бодрийяром подмечена верно: в социальных процессах все больше мнимого выдается за действительное, симулируется. Игра со смыслом происходит сегодня во многих сферах общественной жизни, в том числе в коммуникации, как массовой, так и межличностной.

Подмена товара знаком нарушила символическую структуру всех типов коммуникации. Вся система коммуникации трансформировалась из сложной синтаксической структуры языка в бинарно-сигналетическую систему вопрос/ответ, систему непрерывного тестирования. Такие формы коммуникации, как тест и референдум, являют собой идеальные формы симуляции: ответ подсказывается самим вопросом, заранее моделируется или обозначается им. Любой семантический процесс в тестах сводится только к способности осуществлять контрастные реакции на все более широкий набор адекватных стимулов.

При геометрическом увеличении объема информации она уже не производит смысл, а пожирает его вместе с коммуникацией. Ведь вместо того, чтобы побуждать к коммуникации, информация ее только разыгрывает. Вместо того, чтобы производить смысл – разыгрывает его.

При коммуникации в социальных сетях почти все общение выполняет лишь фатическую функцию (функцию установления контакта),

не заменяя собой полноценно коммуникацию, а создавая лишь ее видимость.

Кроме того, ряд негласных запретов в межличностных отношениях, особенно у жителей США (нельзя спорить, нельзя критиковать, говорить на «глубокие темы», говорить о своих чувствах и личных проблемах, религии, обсуждать политику, кроме самых общих фраз, признаваться в неуверенности или волнении...), превращает в симулякр и человеческие отношения. С таким количеством запретов общение выхолащивается, становится бессодержательным, превращается лишь в его видимость: все должно быть О`К, положено улыбаться.

Свобода слова сегодня также является симулякром. Свободны только те слова, которые угодны владельцам СМИ. Во время войны в Персидском заливе (1991 г.) американское командование ввело жесткую цензуру на сообщения с фронта. По свежим следам о количестве жертв не сообщалось. И только потом журналисты рисковали писать на запрещенные темы. Когда в Афганистане после ряда небрежностей и «ошибочных» обстрелов жилых кварталов ООН решило провести расследование, под давлением США оно решило не публиковать подготовленный доклад. Организация, символизирующая справедливость и гласность в международных отношениях, фактически покрыла убийц [3, с. 190].

Таким образом, посредством концепции симуляционизма Бодрийяр доказал, что коммуникация теряет смысл обмена чистыми символами и знаками, начинает выражать экономию общества, обмен ценностями, проявлять формы господства и власти, то есть перерастает в социально-экономическую величину. Вместе с тем такие формы коммуникации, как референдум, тест, межличностное общение в социальных сетях, а порой и непосредственное межличностное общение, являются выраженной псевдокоммуникацией, созданием лишь ее видимости при утрате сущности.

Литература

1. Фурс, В. Н. Медиум Бодрийяр: имплозия политического тела / В. Н. Фурс // Контуры современной критической теории. – Минск, 2002. – С. 115-162.
2. Назарчук, А. В. Осмысление коммуникации в современной французской философии / А. В. Назарчук // Вопросы философии.– 2009. – №8. – С. 147-162.

3. Казинцев, А. Симулякр, или стекольное царство / А. Казинцев // Наш современник. – 2002. – №11. – С. 179-199.